

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Факультет журналистики
Кафедра зарубежной журналистики и литературы

**Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. (на материале публицистики
Э.Хемингуэя, А.Мальро, Дж.Оруэлла, Г.Мэттьюса, И.Эренбурга,
М.Кольцова)**

Выпускная квалификационная работа

студентки V курса

вечернего отделения

Габисовой Кристины Алановны

Научный руководитель:

доцент, канд.филолог.наук, Прутцков Григорий Владимирович

Москва 2016

Аннотация

В выпускной квалификационной работе исследованы материалы русских и зарубежных писателей и журналистов о гражданской войне в Испании 1936-1939 гг., проведен анализ публицистических произведений, газетных военных репортажей, заметок, выявлены общие черты подобных материалов, а также особенности освещения этой войны в разных странах (США, Франция, Великобритания, СССР) и людьми различных политических убеждений.

Исследование направлено на то, чтобы сформировать целостную картину периодики и публицистики на заданную тематику и сформулировать основные положения, на которых основываются тексты указанных авторов.

Abstract

The graduation paper «Civil war in Spain 1936-1939 (a case study of publicistic materials of Hemingway, Malraux, Orwell, Matthews, Ehrenburg, Koltsov») examines the works of Russian and foreign authors, who wrote about civil war in Spain 1936-1939. The profound analysis of publicistic articles, newspaper reports and reviews has been conducted. The common features of the materials mentioned below and specifics of interpretation of different countries' view (USA, France, United Kingdom, USSR) and by the persons of various political convictions are revealed.

The aim of research is to provide the retrospective of publicistics and periodical publications on a subject matter and to define the main theses on which the texts of mentioned authors were based.

*Работа написана мною самостоятельно
и не содержит неправомерных заимствований.*

«____» _____

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1	
1.1. Проблема интерпретации термина «публицистика». Многообразие жанров публицистики.....	8
1.2. Военные репортажи и очерки Эрнеста Хемингуэя.....	16
1.3. Публицистический роман «Памяти Каталонии» Джорджа Оруэлла.....	26
1.4. Роман «Надежда» Андре Мальро.....	34
1.5. «Испанский дневник» Михаила Кольцова и «Испанские репортажи. 1931-1939» Ильи Эренбурга.....	41
Заключение.....	51
Библиографический список.....	55

Введение

Гражданская война в Испании 1936-1939 годов нашла отражение в сотнях художественных книг и мемуарах, десятках документальных фильмов и, наверное, тысячах журналистских и публицистических материалов. Эта война называлась гражданской, но на самом деле затронула умы и души миллионов людей по всему миру, положила начало массовой борьбе против фашизма, страшной идеологии, в то время стремительно набирающей популярность в Европе. События тех лет до сих пор окутаны многочисленными тайнами, разгадать которые пытаются историки, журналисты и многие равнодушные к истории Испании люди. Эта война по-прежнему волнует, ее уроки заставляют простых зрителей задуматься о том, каковы последствия войны между гражданами одной страны, между людьми одной нации и культуры. Она явилась примером личной солидарности с бедой одной страны «на задворках» континента и, несомненно, оставила глубокий след в исторической памяти европейцев. А литературная общественность имела возможность и выразить свое отношение к событиям на испанской земле, и выступить своеобразным «рупором» для своих читателей. Тексты этих литераторов были ценнейшими документами и в те годы, и сегодня. На их основании можно составить картину того, как интеллигенция разных стран и даже разных континентов относилась к той ужасной трагедии, которая разделила единых испанцев на два противоборствующих лагеря.

Актуальность данной темы заключается в следующем: несмотря на то, что мировое сообщество с 20 века сделало шаг в сторону пацифизма и гуманизма, гражданские войны по-прежнему остаются реалиями в целом ряде стран (войны в Ираке, Ливии, Сирии, на Украине). Люди, которые не являются непосредственными участниками этих конфликтов, оценивают их через призму восприятия журналистов, публицистов, общественных деятелей – тех, чье мнение признается авторитетным, уважаемым, объективным. В 30-ые годы 20 века авторитетами для народных масс были те же самые люди –

известные корреспонденты газет «Правда» и «Известия» - Михаил Кольцов и Илья Эренбург, известный прозаик и корреспондент Североамериканской газетной ассоциации Эрнест Хемингуэй, общественный деятель и писатель Андре Мальро, британский публицист Джордж Оруэлл. Исследование произведений этих авторов помогает под другим углом взглянуть на те трагические события; понять, какое влияние оказывали тексты этих людей на общественное мнение, и насколько важно анализировать материалы нынешних «выразителей» мнений, пишущих о подобных конфликтах между гражданами одного государства.

Новизна исследования. Изученный нами пласт работ, связанных с гражданской войной в Испании, касается по большей части исторических аспектов – предпосылки, причины, ход войны, последствия. В данной работе мы попытаемся рассмотреть эту войну глазами ее очевидцев: что они чувствовали, как оценивали противостояние республиканцев и франкистов, какую роль сыграли в описываемом, что стало причиной их вовлеченности в эту борьбу и в каком ключе они рассказывали о ней. Подробное исследование материалов разных жанров поможет нам сформировать более четкое представление о реальном ходе событий и об отношении писательской среды (а по сути, большей части интеллигенции) к, пожалуй, самой известной «междоусобице» 20-го столетия.

Объектом исследования является Гражданская война в Испании 1936-1939 годов.

Предмет исследования – это произведения публицистического и журналистского творчества русских и зарубежных писателей-журналистов, отношение заявленных авторов к объекту исследования.

Хронологические рамки исследования определяются конкретным историческим периодом: начало войны, 1936 год – конец войны и год написания последних исследуемых произведений – 1939 год.

Цель данной работы: продемонстрировать, как события Гражданской войны в Испании, нашедшие живой отклик в десятках произведений разных жанров,

повлияли на выдающихся представителей мирового литературного и журналистского сообщества, провести смысловой анализ текстов заявленных авторов.

Задачи исследования:

- раскрыть отношение конкретных писателей/журналистов к военному конфликту на территории Испании;
- выявить общие черты материалов о войне в Испании и их различия;
- обозначить степень участия автора в гражданской борьбе и, если это возможно, мотивы/причины;
- исследовать стилистические особенности произведений, какими приемами пользовались авторы;
- определить (где возможно) степень влияния произведений на широкие массы

Главными методами исследования являются анализ литературы, теоретический анализ и синтез, обобщение, дедукция и аналогия. Методы обобщения и дедукции будут использоваться в работе для достижения второй заявленной задачи – выявить общие черты материалов о гражданской войне в Испании. На основании множества признаков и отличительных свойств этих текстов мы, суммируя их, сделаем общий вывод об особенностях всех публицистических материалов об этой войне. Исследование стилистических характеристик произведений будет проводиться с помощью теоретического анализа – разложения предмета на свойства и признаки.

Эмпирическую (фактологическую) основу ВКР составили труды по истории гражданской войны, книги по теории журналистики и публицистические материалы известных писателей. Для анализа автором использовались военные репортажи Эрнеста Хемингуэя (1936-1939 гг.); публицистический роман Джорджа Оруэлла «Памяти Каталонии»; художественно-публицистический роман Андре Мальро «Надежда»; очерки, репортажи и

корреспонденция Михаила Кольцова из двухтомника «Испанский дневник»; сборник «Испанские репортажи. 1931-1939» с очерковыми зарисовками и статьями Ильи Эренбурга.

Практическая значимость ВКР заключается в исследовании общественно важного события 20 века в новом аспекте – через работы талантливых людей, ставшими свидетелями тех исторических событий. Результаты проведенного исследования можно включить в лекционный материал дисциплин «История зарубежной журналистики», «Зарубежная литература», «История отечественной журналистики» (блок «советской публицистики»), «Страноведение и медиаландшафт». Данная проектная работа может стать основой для более глубокой, детальной и объемной работы историко-филологической направленности, например, для магистерской диссертации.

Глава 1

1.1. Проблема интерпретации термина «публицистика». Многообразие жанров публицистики

В исследовании для анализа используется большое количество различных произведений публицистического характера, жанровая принадлежность которых может быть размытой. Поэтому прежде всего требуется установить, что есть публицистика и соответственно определиться с понятием «публицистический материал». В словаре литературоведческих терминов¹, слово «публицистика» трактуется как *«особый вид литературы, сочетающий в себе признаки художественной, ораторской, социально-политической прозы и журналистики»*. Условимся, что мы будем понимать данный термин именно в этом ключе. Причем в нашем случае под «литературой» понимается совокупность любых письменных текстов. Важной особенностью публицистики является тот факт, что она обязательно обращается к актуальным проблемам современности, поднимает острые социально-экономические и политические вопросы. При этом публицистические материалы не относятся к чисто информационным, они включают в себя различные умозаключения автора: его оценки, выводы, обобщения, ремарки. Авторы книги «Редакторская подготовка периодических изданий» Соловьев и Рябинина, подтверждают эту мысль: *«Обладая информативными и аналитическими качествами, она (публицистика – прим. автора) вместе с тем эмоциональна, экспрессивна; отражая собственные взгляды автора, его чувства, отношение к излагаемым фактам, она имеет целью перевод эмоционального подтекста, всего в ней сказанного в программные обобщения и выводы»*². Необходимо добавить, что, исходя из определения публицистики, приведенного выше, мы не рассматриваем публицистические

---

1 Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. 2005.

2 Соловьев В.И., Рябинина Н.З. Редакторская подготовка периодических изданий: Учебное пособие, М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1993

материалы исключительно как произведения, опубликованные в газетах, журналах или в онлайн-СМИ. В данном исследовании под публицистикой будет пониматься весь пласт материалов в словесной письменной форме, осмысленных, художественно переработанных автором и использующих принцип документальности, вне зависимости от того, в какой форме они доходят до читательской аудитории – в форме периодического издания или книги. Доцент Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского университета, Д.В.Туманов, выпустил книгу «Творим золотым пером. Мастер-класс для начинающих журналистов», в которой подробно разобрал жанровую классификацию публицистики и сделал основополагающее уточнение, важное для понимания термина: *«Если художественная литература пользуется вымыслом, создавая никогда не существовавших героев, действующих в никогда не существовавших условиях, то публицистика обязательно опирается на реальные факты. Ей может быть присущ авторский домысел, но только в рамках хорошо известных реальных фактов»*³. Таким образом, оставляя автору право на некоторую долю фантазии, на образность, Туманов подтверждает правомерность существования художественно-публицистических материалов, которые являются синтезом художественной литературы и журналистики. В свою очередь, известный филолог и журналист А.А.Тертычный справедливо замечает, что *«если же журналист «опосредует» действительность в эмоционально-образной форме, передает аудитории свое представление об актуальной реальности с помощью художественной типизации, то он должен осуществлять ее таким образом, чтобы не исказить реальное положение дел, которого касается эта типизация. Именно это и отличает ее от типизации, основанной на вымысле, на безграничной фантазии автора, свойственной собственно*

---

³ Туманов Д.В. Творим золотым пером: Мастер-класс для начинающих журналистов, Казань, 2000

художественному творчеству (но не публицистическому!) как таковому»⁴. Исходя из двух этих утверждений, можно сделать вывод, что грань между художественным произведением и публицистическим часто бывает очень размытой, поэтому именно такие тексты вызывают больше всего вопросов и сомнений, когда нужно на практике определить жанр произведения.

К собственно публицистическим жанрам принято относить статью различных жанров (проблемную, пропагандистскую, критическую, обзорную, дискуссионную, отчетную, статью-комментарий, статью-корреспонденцию, теоретическую статью), фельетон, репортаж, эссе, очерк, публицистический рассказ или роман (причем последние три находятся на стыке художественной литературы и публицистики). Подробнее необходимо остановиться на тех жанрах, которые с большей вероятностью будут фигурировать в нашем исследовании.

Одна из самых распространенных, древнейших и консервативных разновидностей публицистики – это статья-корреспонденция. Она представляет собой текст, основанный на фактах, которые удалось собрать и запечатлеть очевидцу (автору материала) описываемого прямо на месте события. Обычно это материал сравнительно небольшого объема, однако при этом он не остается обезличенным, и журналист косвенно или явно дает свою авторскую оценку излагаемому. Центром статьи-корреспонденции становится отдельный локальный факт, обозначающий один проблемный, вопрос, а повествование никогда не выходит за его рамки. При этом факты выступают индикатором острых, насущных проблем, сложившихся в обществе, а на первое место все же выходит установление журналистом причинно-следственных связей, формулирование основной проблемы и хотя бы приблизительное обозначение путей решения вопроса. В целом формулой материала данного жанра является сочетание анализа фактов с теоретическими и практическими заключениями.

---

⁴ Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М., 2000 С.7-8

Популярный жанр в годы гражданской войны в Испании – репортаж. Именно этот жанр чаще всего используют журналисты, освещающие военные конфликты. В самом репортаже могут быть использованы элементы интервью, отчета, очерка, портретной зарисовки, что позволяет журналисту оперировать широким спектром художественных приемов и максимально образно, ярко и эмоционально отразить те или иные злободневные события и явления. Поэтому по эмоциональному воздействию на читателя репортаж занимает почетное место среди прочих жанров публицистики. Важная его особенность – это динамика: каждый последующий элемент репортажа должен способствовать движению мысли автора, его рассуждения должны рождать у читателя желание узнать, что же будет дальше, к какому итогу придет автор. Динамизм описательной части репортажа достигается за счет обильного использования глагольных форм и краткости, лаконичности предложений. Эффект присутствия обеспечивается с помощью передачи физические ощущений: читатель должен вообразить звуки, запахи, свет, даже температуру – этим объясняется наличие в репортаже экспрессивной лексики, ярких образных метафор. Стиль репортажа не обременен терминологией, сложными языковыми конструкциями или вокабуляром. Речь журналиста многогранна, но при этом проста, доступна и понятна широкой аудитории. Как и любой публицистический жанр репортаж остается персонифицированным, пропущенным через мировоззрение и мироощущение автора материалом. Но главная отличительная особенность в том, что автор достоверно и детально передает информацию с места события, без его непосредственного участия репортаж невозможен. Журналист описывает те детали, которые с его точки зрения могут показаться важными для понимания общей картины произошедшего и которые подтверждают его присутствие в месте, являющимся центром описываемых событий.

Еще один востребованный жанр публицистики – очерк. У этого жанра огромное количество определений, но главное на чем сходятся почти все исследователи, очерк обладает двойственной природой, и поэтому ему

присущи черты как художественного произведения, так и публицистического. От первого очерк подчеркнул высокий уровень образности, существенный процент описательной части и некоторую долю вымысла – все то, что роднит очерк с литературным жанром – рассказом. От второго в очерке присутствуют ярко выраженное авторское «я», документальность и злободневность. Образность связана не только с традиционными средствами художественной выразительности – сравнением, гиперболой, аллегорией, эпитетами, метафорами, но и с авторскими ассоциациями, которые необходимы для того, чтобы оказать нужное эмоциональное воздействие на читателя. Вымысел в очерке не приравнивается к недостоверному изложению фактов или к откровенному их искажению, скорее под ним подразумевается чуть большая свобода автора в использовании составных элементов сочинения – вставных новелл, лирических отступлений. Так же автор имеет возможность до определенной степени сдвигать события во времени или пространстве (не нарушая при этом базовую хронологию и реальное местоположение происходящего), вводить в повествование среди прочих реальных действующих лиц вымышленных героев, которые, однако, сочетают в себе обобщенные черты человека, действующего в описанных обстоятельствах и в указанный временной период: типизация героя – еще один пример художественного осмысления действительности. Особое внимание стоит обратить на такую черту очерка как авторское «я». В любом публицистическом материале в той или иной мере присутствует оценка автора, его отношение к изложенному так или иначе транслируется читателю различными способами. Но в очерке, по сравнению с корреспонденцией и репортажем авторское «я» и его отношение намного более очевидно: если в репортаже его нужно проследить, то в очерке оно зачастую высказывается открыто. Репортаж чаще посвящен событию или явлению (хотя существуют, например, портретные репортажи), а тематическое ядро очерка – это прежде всего человек, его жизнедеятельность и индивидуальность во всех проявлениях.

Следующий жанр, представленный в исследовании, – эссе. Это наиболее субъективный жанр из всех вышеперечисленных. Эссе представляет собой относительно небольшое по объему сочинение, цель которого передать впечатления, эмоции, и размышления автора на частную тему. Заметим, что мы рассматриваем только публицистические эссе (не философские или литературные), то есть затрагивающие наиболее важные и острые вопросы и проблемы общества, в котором существует автор произведения. Как правило, эссе не имеет фабулы, как очерк или репортаж, оно всецело сосредоточено на рассуждениях автора: поэтому его называют самым «личностным» жанром. Особенность эссе заключается в индивидуальности восприятия темы – перед автором не стоит задача создать целостную объективную картину события/явления/личности, он рассматривает их с точки зрения своего собственного видения, его сочинение персонифицировано. Эссе чаще всего обладает свободной композицией и напоминает такой литературный прием как «поток сознания». Автор не ставит своей задачей найти конкретное решение описываемой проблемы, он мыслит глобально, а его обобщения и выводы часто носят универсальный характер. Языковая особенность эссе связана, прежде всего, с обильным использованием метафор, афоризмов и риторических вопросов.

Самый сложный с точки зрения теоретического обоснования жанр – это художественно-публицистический роман. Соединяя в себе черты художественного произведения и документальность, этот жанр напоминает очерк, но при этом он гораздо объемнее, шире по охвату и степени проработанности тем. Роман принято относить к жанрам художественной литературы, но некоторые филологи изучают в своих работах взаимодействие романа с публицистическими жанрами. Так, Салида Шаммед кызы Шарифова, кандидат филологических наук Института литературы Азербайджана, пишет в своем исследовании: *«Если говорить о жанровом смешении в гибридных романских формах, которые инкорпорировали в себе элементы жанров публицистики, то необходимо зафиксировать наличие*

целого соцветия публицистически-художественных романов, в том числе эпистолярного романа, романа-эссе, романа-очерка, романа-репортажа, романа-интервью, романа-исповеди, романа-памфлета и т.д.»⁵. Такие типы романов филолог обозначает как публицистические.

Западные литературоведы, начиная со второй половины XX века активно используют такой термин как *нон-фикшн (non-fiction)*. При дословном переводе этого термина получается *non – не, fiction – фикция, беллетристика*, то есть *нон-фикшн – это не вымысел, не художественная литература*. В общем понимании, это произведение литературы (литературы в широком смысле слова), основа которого невымышленные события, герои и факты. Но следует отметить, что в нашем случае мы будем рассматривать именно роман *non-fiction*, который относят к художественно-публицистическому жанру.

Художественная составляющая таких произведений заключается в использовании литературных приемов, использующихся в художественной литературе, и построении композиции по примеру драматического произведения – с помощью чередования «сцен». Сцена в произведении может состоять из нескольких элементов – диалогов, описательных деталей и точек зрения (персонажей или самого автора). Публицистическая составляющая это актуальность описываемых событий, их достоверное отображение и, в случае с романом-репортажем или романом-хроникой, полное погружение автора в среду, повествование о которой он ведет. Писатель пользуется приемом из арсенала опытного репортера, становясь гармоничной единицей того общества, которое пытается представить в своем произведении: он ведет свой рассказ «изнутри». Однако, несмотря на близость романа-репортажа или романа-хроники с романом *non-fiction*, стоит отметить существенную разницу между ними. Во-первых, последний не приемлет обобщенно-типических образов, в нем описываются исключительно реальные события и герои. В то время как роман-хроника (или роман-репортаж), имея явную

---

5 Шарифова С. Ш. Взаимодействие романа с публицистическими жанрами // Новый филологический вестник. 2011. № 4.

связь с публицистическими жанрами, хоть и опирается на факты, но позволяет создавать вымышленных героев и ситуации, которые могли бы существовать в теории. *«Конечно, вымысел в романе-хронике необходим, но он должен реализовываться на основе исторических фактов и подтверждаться документами эпохи»*⁶, – пишет Шарифова С.Ш. Во-вторых, роман non-fiction строится с помощью традиционных композиционно-сюжетных элементов – экспозиции, завязки, развития действия, кульминации, развязки, постпозиции, а иногда еще пролога и эпилога. Тогда как роман-репортаж, роман-хроника, роман-интервью и прочие гибридные жанры могут иметь свою уникальную структуру – в них не всегда присутствует привычный схематичный сюжет.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что художественно-публицистический роман обладает целым рядом особенностей:

- использует приемы, используемые в традиционной художественной литературе, создавая при этом образность повествования;
- сохраняет принцип документального отражения действительности, опирается на факты;
- рассказывает об актуальных событиях, имеющие социально-экономическое, и политическое значение для общества;
- выражает позицию автора, то есть включает его открытые рассуждения или (редко) скрытую точку зрения, которую он транслирует через героев или вставные элементы (новеллы, притчи);
- допускает долю художественного вымысла (за исключением произведений non-fiction), но лишь в той мере, в которой он не может повлиять на объективность изложения.

---

⁶ Шарифова С. Ш. Типы документально-художественного романа // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. №23. 2011. с.271-277

1.2 Военные репортажи и очерки Эрнеста Хемингуэя

Альбер Камю, французский писатель и философ-экзистенциалист так высказался о войне в Испании: «Это Испания научила нас, что человек может быть прав и все же побежден, что дух может проиграть силе и что бывают времена, когда мужество само по себе не является наградой. Именно поэтому для стольких людей в мире испанская драма стала личной трагедией». Личной трагедией стала эта война и для восходящего американского журналиста Эрнеста Хемингуэя.

Первый раз Хемингуэй приехал в Испанию более чем за 10 лет до гражданской войны: в 1923 году он посетил Памплону ради Фиесты святого Фермина, фестиваля, знаменитого благодаря бегу быков по улицам города. Хемингуэй влюбился в эту страну: в обычаи, образ жизни, культуру и людей, и потому разразившаяся война стала ударом для него, он переживал за Испанию так, как если бы он был ее гражданином и истинным патриотом. Как настоящий демократ, он безоговорочно поддержал Вторую республику и защищал ее словом (а иногда и делом) до последнего дня ее существования. В своих письмах он вспоминал, что время, когда они в Испании верили в победу (прим. – победу республиканцев), было самым счастливым временем в его жизни. Оставаться в стороне и наблюдать за борьбой с другого континента он не мог, и в феврале 1937 года на пароходе «Париж» писатель отплыл в Европу. Хемингуэй заключил контракт с Североамериканской газетной ассоциацией (NANA – North American Newspaper Alliance), для которой должен был освещать события в Испании в качестве военного репортера. В последствии тема Испании тех лет нашла отражение в десятках материалов Хемингуэя – репортажах, очерках, статьях, письмах, рассказах и даже в сценарии к фильму. Но для анализа мы возьмем самые яркие и показательные труды писателя.

Репортаж «Анализ битвы под Бриуэгой» от 26 марта 1937 года Хемингуэй написал находясь на Гвадалахарском фронте, названного в честь

одноименной провинции к северо-востоку от Мадрида. Журналист красочно описывает движение республиканских частей и все детали, которые он наблюдает на своем пути, делится с читателями размышлениями о ходе военных действий, итогах сражения под Бриуэгой (прим. – муниципалитет в провинции Гвадалахара). Используемая лексика эмоционально окрашена, в каждом описании сквозит легко читаемая авторская позиция. Хемингуэй с презрением относится к итальянцам, которые воевали на стороне армии генерала Франко: трупы итальянских солдат он называет «маленькими и жалкими», сравнивает их со сломанным игрушками. Он считает, бежавших итальянских военных ненадежными, потому что они воют не за свою родину, в бой их толкает не желание отстоять свои земли или защитить свой народ, а только лишь приказ командира, и потому, по его мнению, они никогда не будут сражаться до победного конца. Хемингуэй использует множество сравнений для того, чтобы через образы донести до читателя весь ужас предстоящей перед ним картины – след от танка республиканцев он уподобляет урагану в тропиках, добавляя, что последний оставляет менее зловещее ощущение, чем борозды боевой машины. Подготовленность военно-технической базы республиканцев вызывает восхищение автора, он сравнивает танки Республики с крейсерами, воюющими против катеров береговой охраны – так выглядят в его глазах орудия итальянцев. Для того, чтобы у читателей не было сомнений в объективности представленной ему информации, Хемингуэй отмечает, что он потратил четыре дня на изучение поля боя вместе с действующими командирами и исследовал все позиции – его материал отражает подлинную картину происходящего, так как автор был на месте описываемых событий и видел все воочию: как развивается сражение и каковы его итоги. Предвидя обвинения в ангажированности, Хемингуэй намеренно упоминает в тексте возможность подобного недоверия и заканчивает репортаж фразой «... но я-то видел поле боя, видел трофеи, пленных и мертвецов»⁷. Таким образом, он желает показать, что ему не

---

7 Хемингуэй Э. Э.Хемингуэй. Репортажи. – М.: МГУ, 1969.

важны чьи-либо комментарии по поводу достоверности его материала как источника, главное – это его вера в собственную объективность.

Через 2 недели, уже из Мадрида, Хемингуэй выпускает репортаж «Первый опыт сражений». Он снова на передовой и почти неотступно следует за войсками. В этом тексте впервые упоминается его товарищ, голландский режиссер Йорис Ивенс, который снимает на полях сражений документальный фильм «Испанская земля». Хемингуэй впоследствии не раз сопровождал Ивенса на этой войне и даже написал сценарий к его фильму. Журналист ведет прямой репортаж под грохот артиллерийского огня, гул бомбардировщиков и взрывы снарядов. Хемингуэй рассказывает, как вместе с Ивенсом и оператором Джоном Ферно они искали лучшую позицию, с которой можно было наблюдать за полем боя и остаться незамеченными противниками. Для описания он выбирает такие моменты, которые помогут читателю ощутить всю опасность выполняемой ими операции – несколько раз упоминаются свистящие пули врага, которые едва не достигают цели – то есть самого журналиста и его команду. При этом он добивается расположения у своей аудитории, показывает, что работает персонально для них, используя формулировку «ваш корреспондент»: «ваш корреспондент известен тем...», «это настроило вашего корреспондента на...». Этот прием выдает в Хемингуэе опытного психолога, который понимает, насколько важно установить доверительный контакт с читателем, когда освещаешь такую острую и не всегда однозначно трактуемую тему как вооруженный конфликт внутри страны. Хемингуэй также демонстрирует свою компетентность в вопросах военной техники – он не просто называет самолеты республиканцев и неприятелей, описывая их движение, но и объясняет, почему легкие и маневренные истребители превосходят в воздушном бою «юнкерсы». Его нельзя назвать специалистом, но подобная осведомленность тоже поднимает авторитет автора в глазах читателей.

В сентябре 1937 года Хемингуэй прибывает на Арагонский фронт, в расположение американских солдат близ Теруэля (прим. Теруэль – столица

одноименной провинции на северо-востоке Испании, в автономной области Арагон). Американские солдаты служили в составе интернациональных бригад, воюющих на стороне Второй Республики. Большая часть американцев входила в 15-ую интербригаду, сформировав внутри нее свой отдельный национальный батальон имени Авраама Линкольна. Естественно им, как своим соотечественникам, Хемингуэй уделял особое внимание, им, по сути, и был посвящен репортаж-ода «Осмотр Арагонского фронта близ Теруэля». Их военные подвиги Хемингуэй воспекает с присущей ему патетикой, используя выражения «сражались плечом к плечу», «блистательно атаковали», «провели решительный штурм». Хемингуэй понимает, что воодушевляющее воздействие от обезличенной массы людей, пусть они отчаянно сражающиеся за правое дело солдаты, не столь велико, поэтому он вводит в рассказ конкретного человека, на примере действий которого можно показать героизм американских бойцов. Роберт Мерримен, бывший профессор Калифорнийского университета, стал таким обобщающим персонажем репортажа. *«Давно не бритый, с черным от дыма лицом, он пробивал себе путь гранатами и, хотя был шесть раз ранен осколками в обе руки и в лицо, не ушел на перевязку, пока не взял собор»⁸*, – в одном предложении журналист характеризует типичного американского офицера интербригады как мужественного, отважного, целеустремленного человека, ставящего во главе всего – выполнение боевого задания. При этом Хемингуэй честно признает, что не все американские добровольцы оказались готовы столкнуться с реалиями этого конфликта: некоторые чрезмерно романтизировали эту войну - мечты сражаться за свободных людей Испании и против фашизма не имели ничего общего с реальными боевыми действиями. Год активных сражений в тяжелых условиях расставил все по своим местам: добровольцы смогли трезво оценить происходящее и выбраться из плена иллюзий – те, кто был не готов продолжать борьбу (журналист резко именует их «трусами»), покинули

---

8 Хемингуэй Э. Э.Хемингуэй. Репортажи. – М.: МГУ, 1969

Испанию и отправились вместе с ранеными домой. Про оставшихся Хемингуэй еще не раз напишет в своих репортажах.

Невозможно не заметить, что в своих материалах журналист называет противников именно фашистами. Это важное замечание с точки зрения подачи информации относительно сторон конфликта в американских СМИ – для Хемингуэя это была не просто война между гражданами одной страны, между сторонниками Второй Республики и мятежниками во главе с генералом Франсиско Франко, это была борьба простых испанцев против установления фашистского режима в их государстве. В июне 37 года на втором конгрессе американских писателей Хемингуэй выступил с речью «Фашизм – это ложь» (Fascism Is A Lie), в которой высказался за борьбу с фашизмом, в том числе в Испании: *«Нам нужно ясное понимание преступности фашизма и того, как с ним бороться. Мы должны понять, что эти убийства — всего лишь жесты бандита, опасного бандита — фашизма. А усмирить бандита можно только одним способом — крепко побив его. И фашистского бандита бьют сейчас в Испании, как сто тридцать лет назад на том же самом полуострове били Наполеона. Фашистские государства знают это и готовы на все»*⁹. Хемингуэй скорее всего знал, с кем борются бойцы интербригад под Бельчите, он понимал, что это итальянцы, и поэтому называл их «фашистские офицеры» (прим. – в эти годы в Италии у власти был основатель фашизма Бенито Муссолини). Но и испанцев, выступающих на стороне Франко, он относил к врагам. Режим Франко никак нельзя было назвать демократическим, его основой была жесткая военная диктатура. Ученые до сих пор расходятся во мнении касательно правильной и однозначной трактовки политического режима в Испании тех лет, но практически все они подтверждают, что идеологию франкистской Испании никоим образом нельзя считать идентичной национал-социализму Третьего Рейха или итальянскому фашизму. Все эти

---

⁹ Хемингуэй Э.М. Избранные произведения в 2-х томах. Под ред. И.Кашкина// Американцам, павшим за Испанию. М., 1959

выводы сделаны постфактум, с оглядкой на 36-летнюю историю правления Франко, но в разгар войны, миллионы людей (в том числе Хемингуэй) составляли мнение из того, что видели собственными глазами: генералы Эмилио Мола и Франсиско Франко приняли помощь от Гитлера и Муссолини, главных проповедников фашистской идеологии. Точкой невозврата стало 26 апреля 1937 года, день, когда немецкие летчики легиона «Кондор» на мессершмиттах и юнкерсах разбомбили город Гернику (прим. – город на севере Испании, в автономии Стране Басков). Погибли более двух с половиной тысяч мирных жителей, и у республиканцев и сочувствующих им не осталось сомнений по поводу методов борьбы националистов. Их безоговорочно приравнивали к фашистам, истребляющим собственный народ. Вне зависимости от того, знал ли генерал Мола о готовящейся бомбежке Герники, или немцы спланировали это самостоятельно, не оповестив испанских генералов (такая версия рассматривается многими историками и исследователями), для значительной части мирового сообщества и интеллигенции Франко и его приближенные стали не просто мятежниками, но убийцами, фашистами. Так воспринимал их и Хемингуэй: Франко был для него врагом свободы и свободной Испании.

После трех декабрьских репортажей о Теруэле для New York Times, NANA решил прекратить сотрудничество с ним, слишком много претензий накопилось у основателя альянса Джона Невилла Уилера к работе Хемингуэя. По мнению Уилера Хемингуэй отказался от принципа непредвзятости, который был обязательным условием для материалов корреспондентов NANA, в его материалах все чаще читалась открытая поддержка республиканцев, в то время как официальной позицией государства был нейтралитет, США воздерживались от каких-либо оценок действий правительства Республики или Франко и его генералов. Вдобавок Уиллер считал, что Хемингуэй намеренно замалчивал назревавший и очевидный раскол в стане республиканцев: бои шли уже между коммунистами, рабочей партией народного единства и анархистами. Ко всему прочему редакции газет

альянса требовали от журналистов максимально сухих и обезличенных корреспонденций, которые без лишней поэтизации описывают положение на фронте, Хемингуэй же не мог отказаться от образности и определенной «литературности», из-за чего его тексты подвергались постоянным правкам со стороны редакторов. В декабре сотрудничество альянса и корреспондента Хемингуэя было прекращено. Позже в своем письме бывшей жене Хэдди Моурер он возмущенно скажет, что Североамериканский альянс отказался от его услуг. Правда, перерыв был недолгим, и уже в марте Хемингуэй снова обязуется писать для NANA в течение еще 6 недель.

В начале апреля 1938 года Хемингуэй со своими товарищами оказался в Барселоне. Положение Республики было уже не столь радужным, в рядах ее армии царил раздор, в то время как франкисты наступали по всем фронтам и продвигались все дальше. Но Хемингуэй по-прежнему наполнял свои репортажи оптимизмом и надеждой. Даже описывая поток беженцев, хлынувших из Каталонии, центра республиканского сопротивления, Хемингуэй пытался создать ощущение, что Республика держит все под контролем, и люди, покидающие свои родные места, все-таки сохраняют спокойствие и веру в лучшее: *«Не было никакой паники, люди просто шли, и у многих были бодрые лица»*¹⁰. Претензии газетного альянса никак не повлияли на манеру письма Хемингуэя, его репортажи, как и в самом начале, по-прежнему напоминали художественные зарисовки, а не сухие выжимки с фактами. Безусловный писательский талант и природная склонность делали его тексты иногда даже не в меру романтизированными, что по мнению американских газетчиков было абсолютно неуместно в фронтовых корреспонденциях. Хемингуэй изначально относился к этой поездке, не просто как к работе, для него Испания была вторым домом, и он не намерен был скрывать своего глубоко личного отношения к ней. Он считал необходимым передать читателю незначительные, казалось бы, на первый взгляд детали, без которых обошелся бы любой другой военный

---

10 Хемингуэй Э. Э. Хемингуэй. Репортажи. – М.: МГУ, 1969.

корреспондент, но не Хемингуэй. Он хотел заставить людей не просто прочитать репортаж с ознакомительной целью, а заставить их чувствовать, проживать те события вместе с ним. *«Я набрал в поле <...> охотку весеннего лука. Это мой первый лук нынешней весной, луковицы, когда я очистил их, были крупные, белые и не очень горчили. В дельте Эбро хорошая, плодородная земля, и завтра там, где посеян лук, развернется сражение»*¹¹, – писал Хемингуэй. Умышленно используя подобный контраст, противопоставляя бытовое явление трагическому (посев лука сражению), он заостряет внимание на последнем, добиваясь большего эмоционального воздействия на читателя.

Последний репортаж для Североамериканского газетного альянса Хемингуэй написал 10 мая 1938 года и посвятил его Мадриду – «Мадрид ведет свою войну». Несмотря на то, что все европейские политики и дипломаты уже предрекали падение Второй Республики, он продолжал воспевать силу Испании, отчаянно сопротивляющейся фашизму. Он находил оправдание даже очевидным стратегическим промахам республиканских войск и преподносил их как сильные стороны. Армия Франко перекроила фронт под себя и отрезала области, подконтрольные Республике, друг от друга, лишив их поддержки. Но Хемингуэй выразил мнение, что республиканские автономии были только рады сложившейся ситуации, теперь у них якобы не было необходимости координировать свои действия с соседями, каждый регион защищался как хотел и так, как ему позволяли ресурсы, и в этом и заключалась их опасность. С повышением уровня мотивации, каждая область сражалась отчаяннее, не оставляя шансов диктаторам (прим. – Муссолини и Франко). *«Когда она едина, провинции соперничают между собой. Но разделите их, и гордый дух сопротивления пылает в каждой области, в каждой провинции, в каждом городе»*¹², -

---

11 Хемингуэй Э. Э.Хемингуэй. Репортажи. – М.: МГУ, 1969.

12 Хемингуэй Э. Э.Хемингуэй. Репортажи. – М.: МГУ, 1969. Стр.214

опровергал Хемингуэй расхожее мнение о силе народа, заключающейся в единстве.

Хемингуэй написал на этой войне и небольшой очерк, который впоследствии печатался им не в газетах и как рассказ. Если репортажи всегда были связаны с изображением хода военных операций, то очерк свой он, как и принято, посвятил людям – мадридским шоферам. Четирем водителям, которые на постоянной основе возили журналиста и его товарищей на линию фронта и по Мадриду, посвящены маленькие истории, описывающие их рабочие будни. Хемингуэй выбирает жизненные ситуации, которые наиболее четко отражают сущность каждого из шоферов – их характер, темперамент, манеру поведения. В очерке отсутствуют философские размышления автора или глубокий анализ военных действий, это зарисовка, целью которой является показать зарубежным читателям, что представляет собой простой рабочий мадридец и на кого может опереться республиканская армия в защите собственной страны. Хемингуэй рисует их образы с большой долей юмора: иронизирует над трусливым Томасом, у которого резко перестает заводиться машина каждый раз, когда необходимо отправиться на поле боя; потешается над приводящим в ужас лексиконом молодого анархиста Давида; саркастически смеется над укравшим 40 литров драгоценного бензина Сидом, угодившим затем в тюрьму в Валенсии. Все эти люди с их недостатками и пороками ни в коей мере не разочаровывают журналиста, он пишет о них с теплой улыбкой, в дружеской манере. Но Хемингуэй не стал бы писать этот очерк, если бы не хотел в очередной раз выразить свое восхищение испанцами-воинами. Ипполито, его последний шофер на этой войне, занял самое почетное место в рассказе и в сердце Хемингуэя. Журналист сравнил его с гранитом за непоколебимость и чрезвычайную твердость в принятии решений. Для Хемингуэя Ипполито – образец настоящих защитников родины, *которые «дрались бы за каждую улицу, за каждый дом, пока хоть один из них оставался в живых»*¹³. Диалоги с ним

---

13 Хемингуэй Э. Э.Хемингуэй. Репортажи. – М.: МГУ, 1969.

выходили очень короткими, таким образом автор хотел показать, что шофер – человек дела, а не слова. Он немногословен, но ответственно и без тени страха и сомнения подходит к выполнению своей работы, даже несмотря на страшную бомбежку столицы. Таким, мужественным человеком долга, видел Хемингуэй обычного работающего мадридца, сражавшегося за свой город. Благодаря таким, как Ипполито, Франко не удалось взять Мадрид, считал Хемингуэй. И даже если в глубине души, он предчувствовал поражение, он продолжал писать свои духоподъемные материалы, пропитанные верой в светлое будущее независимой, свободолюбивой Испании.

2.2 Публицистический роман «Памяти Каталонии»

Джордж Оруэлл приехал в Испанию 25 декабря 1936 года, будучи уже известным на родине писателем, хотя еще и не достигшим своего творческого пика автором. Гражданская война в Испании сыграла важную роль в его писательской карьере и трансформировала его политические взгляды, поэтому свои самые культовые и зрелые произведения он написал уже позже, имея багаж в виде окончательно оформившихся, непоколебимых политических и жизненных установок. Будучи убежденным антифашистом, Оруэлл последовал за всеми добровольцами в солнечную, но раздираемую гражданской войной Испанию, чтобы сражаться с фашизмом. По приезду Оруэлл почти сразу вступил в Рабочую партию марксистского единства (Partido Obrero de Unificación Marxista или POUM), которую активно поддерживали рабочие Каталонии. ПОУМ придерживалась позиций антисталинизма, что, безусловно, импонировало Оруэллу, который считал Сталина предателем революции и главным врагом социализма. В начале войны республиканцы не отличались политической разборчивостью, на их стороне воевали все, кто был против мятежников Франко и фашистов из Германии и Италии, помогающим им. Коммунисты, анархисты, социалисты, выступающие поначалу как единое целое и сражающиеся против одного общего врага, в скором времени открыли второй фронт внутри самой Республики – на деле у них оказались слишком разные цели и разное представление о том, какой должна стать Испания после победы. Уже в 1937 году ПОУМ из сторонников были переквалифицированы в предателей и пособников фашистов. Ко всему прочему, было объявлено, что ПОУМовцы являются выразителями идей троцкизма, в то время как в СССР в эти годы коммунисты преследовали подпольные троцкистские организации, их членов сажали и расстреливали. Коммунистический репрессивный аппарат распространил свою деятельность и на сомнительные, с точки зрения коммунистов, партии в Испании. В своей книге Оруэлл по частичкам собрал свои воспоминания об участии в испанской гражданской войне (в том числе в

рядах ополчения ПОУМ) и выпустил практически документальную хронику. Вне всяких сомнений, эти воспоминания были художественно обработаны, но в целом это произведение представляет собой осмысленный взгляд писателя и очевидца на реальные события той войны, произведению свойственна высокая степень фактографичности. Оруэлл описывает последовательность действий с репортажной точностью, анализирует обстановку на фронте и положение войск, делится собственными ощущениями, эмоциями и мыслями по поводу социально-политической борьбы.

Уже в начале романа отчетливо видно, что Оруэлл не испытывает иллюзий по поводу подготовленности республиканской армии к войне – на примере своих однополчан из ПОУМ он рассказывает о непрофессионализме будущих солдат, их полнейшей неспособности вести бой, об отсутствии необходимой материально-технической базы: на фронт бойцы отправлялись без соответствующей экипировки, формы и даже без оружия. Он пребывает в недоумении, раздосадован в его речи слышится нескрываемый сарказм. *«Никто даже не подумал о том, что винтовки получше следовало бы дать тем, кто умеет с ними обращаться»¹⁴*, – сетует Оруэлл на абсолютно непродуманное распределение дефицитного оружия среди солдат. Описывая первые дни в ополчении и на фронте, Оруэлл постоянно прибегает к выражениям, подчеркивающим тяготящее несоответствие действительности его представления об этой войне: почти в каждом абзаце встречаются фразы вроде «я был невероятно разочарован», «пришел в отчаяние», «почувствовал глубокое отвращение». На протяжении всего произведения угнетающее чувство разочарования только увеличивается, в отличие от бесконечно оптимистичного в своих репортажах Хемингуэя, Оруэлл предстает перед нами скептиком, несклонным романтизировать голод, холод окопов и эту «дурацкую», по его же словам, войну. Он бесконечно удивляется инфантилизму и несерьезному отношению испанцев к оружию, ведению боя, а в особенности их странным методам – вместо того, чтобы убивать врагов,

---

¹⁴ Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. М., 2003, стр. 46

испанские солдаты пытались заставить фашистов дезертировать и даже перейти в стан республиканской армии. Оруэлл отмечает, что первое время он относился к этой войне исключительно как к акту сопротивления фашизму, не вдаваясь в внутривойсковые разногласия. Дробление защитников Второй республики на такое большое количество партий казалось ему совершенно необъяснимым фактом, ведь, по его мнению, все они должны быть объединены общей целью. *«Мне казалось идиотизмом, что народ, борющийся за свою жизнь делится на партии. Я стоял на простой точке зрения: “Отбросим всю эту партийную чепуху и займемся войной”¹⁵»,* – так описал Оруэлл свою первоначальную позицию на этот счет. Значительные различия между политическими объединениями на этой войне стали очевидны для него уже позже. Как человек, обладающий критическим мышлением, он ставит под сомнение всю информацию, которую преподносит мировой общественности пресса. Он делает свои собственные выводы, основанные на его личном опыте участия в борьбе, на бесспорных фактах. Оруэлл увидел в событиях, произошедших в Испании, начало революции, которая была не выгодна никому за пределами этой страны – именно поэтому революционный настрой пытались подавить, а точнее скрыть сам факт его существования, и коммунисты (при поддержке СССР), и либеральные капиталисты (например, на родине писателя в Великобритании). Он последовательно излагает свое видение программ основных действующих сил – POUM, P.S.U.C (Partido Socialista Unificado de Cataluña – Объединенная социалистическая партия Каталонии, по сути региональное представительство Коммунистической партии Испании), CNT – FAI (Confederación Nacional del Trabajo - Federación Anarquista Ibérica, Национальная конфедерация труда – Федерация анархистов Иберии), старается максимально отвлеченно и беспристрастно оценить их политику, степень воздействия на испанское общество и сравнить их между собой. При этом несмотря на то, что именно коммунисты начали травлю бойцов ПОУМ,

---

15 Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. М., 2003, стр. 92

заклеймив их шпионами и фашистами, Оруэлл признает, что самая четко сформулированная и рациональная программа действительно была у коммунистов и также отдаст должное эффективно работающим пропагандистам коммунистического крыла – обширная сеть дружественной прессы за рубежом делала сыграла не последнюю роль. Писатель не скрывает и того факта, что поначалу он разделял позицию коммунистов, заключавшуюся в отрицании возможности даже говорить о революции пока в войне не одержана безоговорочная победа. Позднее, по его словам, он поймет, что сомнения в искренности коммунистов не были беспочвенными: революция не была нужна им вовсе, главная цель – это захват власти с последующим вытеснением рабочего класса. Но во всех своих размышлениях о противоборствующей стороне Оруэлл ни разу не переходит границу приличий: он не срывается на возмущенные восклицания, открытые оскорбления или необоснованные обвинения. Даже когда речь идет о втором разочаровании этой войны: на этот раз в журналистике. Оруэлл видит, что абсолютно любая партийная пресса преследует свои корыстные цели и служит идеям своего руководства: журналисты левых изданий также не заинтересованы в объективном освещении конфликта, они лгут и маскируют свои истинные намерения под пропагандистскими лозунгами. Ко всему прочему они исполняют свои обязанности в максимальном удалении от поля боя, в комфортных условиях редакций, в то время как те, про кого они без зазрения совести пишут уничижительные материалы, проливают кровь и подвергаются страшным лишениям. *«Война научила меня — это один из самых ее неприятных уроков, — что левая печать так же фальшива и лицемерна, как и правая»*¹⁶, – этими словами описывает Оруэлл очередную разрушившуюся иллюзию.

Следует заметить, что для человека, находившегося на стороне тех, кто проиграл войну (с этой позиции оставаться объективным значительно сложнее), Оруэлл при написании своих мемуаров сохранил в себе черты

---

¹⁶ Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. М., 2003, стр. 274

журналиста-профессионала: чтобы не быть голословным, он старается подкреплять каждое свое оценочное высказывание цепочкой доказательных рассуждений или иллюстративным примером. Вернувшись в Барселону после нескольких месяцев на фронте Оруэлл выдвинул тезис о том, что все в городе ориентировано на удовлетворение запросов людей, располагающих существенным капиталом. В качестве подтверждения своих слов он рассказывает показательную историю: несмотря на запрет ввоза иностранных сигарет, контрабандисты продолжали поставлять в Испанию табак из-за границы, продавая его за баснословные деньги. Позволить себе такую роскошь могли только очень состоятельные люди, благодаря которым контрабанда процветала как никогда, а правительство закрывало на это глаза. Подобное положение вещей возвращало Барселону к классовому обществу (непродолжительное нахождение у власти рабочих привело к уменьшению контраста между богатыми и бедными и размытию границ социальных слоев), когда экономическая дифференциация населения вновь становилась более ощутимой.

Уличные бои в Барселоне, в которых участвовал Оруэлл, стали началом кампании по дискредитации ПОУМ. В прессе социалистов (здесь имеются в виду газеты конкретно P.S.U.C) ПОУМовцы были выставлены как зачинщики этой перестрелки, «пятая колонна», организовавшая мятеж. Оруэлл, ранее рассматривающий вариант перехода в интернациональную бригаду, полностью отказался от возможности сменить ополчение даже ради того, чтобы продолжать бороться с фашистами. Он чувствовал, что ПОУМ предали, и собственные политические убеждения и врожденная принципиальность не позволяли ему покинуть ее ряды. Он не хотел оказаться в ситуации, когда руководство может приказать ему стрелять в простых рабочих, интересы которых Оруэлл защищал. А стрельбу по бойцам ПОУМ писатель расценил именно как выступление против испанского рабочего класса. Желая донести до мира реальную картину происходящего, не обезображенную пропагандистской ложью, Оруэлл излагает свою версию

событий, но остается честным до конца. Его стилистика подачи материала разительно отличается от того, как преподносится эта война в партийных газетах. Он выбирает другую тактику: предоставить читателю возможность самому судить о том, кто заслуживает доверия. Оруэлл заигрывает с аудиторией, но такой ход кажется действительно умным и развеивает сомнения в его искренности: *«Конечно, я делал фактические ошибки, описывая барселонские события, да и в других главах книги. Но это неизбежно. Об испанской войне писать без ошибок очень трудно, ибо нет документов, не окрашенных пропагандой. Поэтому я предупреждаю читателей, как о моей предвзятости, так и об ошибках. Но я сделал все, чтобы писать честно»*¹⁷.

Довольно подробно, но сдержанно, пишет Оруэлл о своем ранении на фронте и последующем пребывании в госпитале. Но настоящей неожиданностью становится для него аресты членов ПОУМ. Все случившееся в Барселоне указывало на то, что партия будет запрещена, но Оруэлл не мог представить, что даже рядовых бойцов будут лишать свободы и подвергать изощренным допросам. Это воспринималось писателем как предательство, простить которое было очень нелегко. Он бесконечно задавался вопросами, ответы на которые никогда так и не получил: за что его могут арестовать и что такого он сделал. Ощущение бессмысленности и нелепости происходящего не покидало его и это ощущение, перемешанное с горечью разочарования, все яснее читается в последних главах его романа. «Памяти Каталонии» вышло в свет в апреле 1938 года, а значит у Оруэлла было время осмыслить те события и абстрагироваться от переживаний, но несмотря на это Оруэлл считает, что было бы честнее высказаться не скрывая истинных эмоций. Его друзья и знакомые, воевавшие как минимум против фашистов и Франко, попали в тюрьму, некоторые скончались в этих «средневековых темницах» – так описывал Оруэлл испанские тюрьмы, и он не может понять, как их бессмысленная смерть в темных подвалах могла

---

¹⁷ Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. М., 2003, стр.352

приблизить победу Республики. В попытках спасти своего товарища из заключения, Оруэлл сталкивается с необычным поведением офицера Народной армии, поведением, кажущимся невозможной здравомыслящему читателю. Офицер, услышавший признание Оруэлла в связи с запрещенной ПОУМ, протянул руку для рукопожатия. Писатель мог бы опустить эту несущественную деталь, но ему кажется важным отметить этот удивительный момент – рукопожатие офицера вселяет в него надежду, что среди республиканцев остались люди, которые верят в невиновность ПОУМ и не боятся продемонстрировать это. Такое мужественное рукопожатие на глазах у свидетелей обозначило одну из главных черт характера испанцев, которую Оруэлл посчитал нужным отметить, – великодушие. Испанцы на протяжении всего пребывания Оруэлла в их стране, показали себя не только как свободолюбивых, отважных и открытых людей, но и как необычайно щедрых и поистине благородных. В своем восхищении испанцами он солидарен с Хемингуэем.

Говоря о манере подачи информации, нужно сказать, что Оруэлл показал себя блестящим стилистом: он безупречно вплетает в пейзажные зарисовки свои отвлеченные рассуждения и так же органично переходит от размышлений к диалогам. Ему чужда чрезмерная образность, витиеватость речи – преимущественно разговорная лексика и лаконичные синтаксические конструкции делают его повествование доступным любому кругу читателей. Большая часть мыслей Оруэлла оформлена в лаконичные предложения: в законченных суждениях редко встречается больше двух или трех грамматических основ, при этом предложения упорядочены и выстроены в соответствии с принципами простоты и ясности. Произведение наполнено оценочными, экспрессивными выражениями: *«Прекрасная идея!»*, *«Где только не приходилось мне ночевать!»*, *«Война! Такая жалость!»*, *«Так вот оно что!»*, *«Как назло»*, *«Чудовищная атмосфера»*; риторическими вопросами, усиливающими диалогизацию текста (принцип ведения беседы с читателем): *«Интересно, что они обо мне думали?»*, *«Ради чего, черт*

возьми, все это делается?», «Но как доказать, что такое письмо есть?»; вводными («Как я уже отмечал выше», «Разумеется», «Следует признаться») и сегментированными («Идея равенства — вот, что привлекает рядовых людей в социализме»¹⁸) конструкциями, характерными для публицистического текста. Обилие разговорно-просторечной, лексики также является стилистическим средством и указывает на желание писателя сделать свой текст максимально адаптированным для широкой аудитории — в романе встречаются такие слова как «чертовщина», «напялить», «раздолбили» и др.

Все вышеописанные языковые особенности доказывают принадлежность этого текста к подлинно публицистическому стилю. Несмотря на использование огрубленной лексики, прямолинейные, яркие выражения Оруэлла остаются изящными, автора никак нельзя обвинить в излишней вульгарности. Даже касаясь острых политических тем, говоря о войне, смерти, революции, социальных потрясениях — он может разбавить текст ироническим замечанием, которые тем не менее будет выглядеть уместно и органично впишется в канву повествования. Его способность таким образом снизить градус напряжения у читателя давно отмечается многими литературоведами.

---

18 Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. М., 2003, стр.245

1.3. Роман «Надежда» Андре Мальро

*«Наиболее блестящими (похожими на блеск стали) данными духовного вождя обладает Мальро: у него, пожалуй, не только самый мужественный талант, но и больше всего опыта отважной борьбы!»*¹⁹ – так, в конце 1934 года, охарактеризовал Андре Мальро его соотечественник и современник Ромен Роллан в своем письме Максиму Горькому. Мальро действительно подошел к гражданской войне в Испании всемирно известным писателем и общественным деятелем с большим багажом знаний и серьезным жизненным опытом. У него за плечами были антифашистский конгресс в Париже, поездка в СССР, четыре историко-философских романа и участие в революционной борьбе во время гражданской войны в Китае. Его авторитет неоспорим и подтверждением этому становится тот факт, что Мальро приехал в Испанию не просто как корреспондент или доброволец, а по личному приглашению мадридского правительства. Исследователь творчества Мальро Евгений Кушкин писал о том, что именно правительство Народного фронта поручило писателю снабдить республиканскую армию самолетами и укомплектовать их. Мальро, благодаря своим связям в руководстве Республики, получил звание полковника и возглавил эскадрилью «Эспанья» (España), которая была сформирована им из интернациональных (по преимуществу французских) летчиков, самостоятельно решивших присоединиться к этому авиационному подразделению. Как командир, он вылетал на задания вместе со своими бойцами – эскадрилья сражалась в многочисленных боях в небе над Мадридом, Толедо и Теруэлем. Роман «Надежда» Мальро как раз посвятил своим товарищам по Теруэльскому бою, в котором, по сути, решилась судьба эскадрильи. Лучшие летчики были сбиты, получили тяжелые ранения, многие, и без того непригодные самолеты, были окончательно выведены из строя – в феврале 1937 году

---

¹⁹ Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди. Фрагмент общей хроники М.: 2008.

авиационная бригада имени Андре Мальро была расформирована. В свою очередь писатель сделал все, чтобы их вклад в историю этой войны не остался недооцененным – на страницах романа, изображая подвиги добровольцев во имя свободной Республики, Мальро не забыл упомянуть и своих друзей-летчиков, преданно служивших делу освобождения Испании от фашизма.

«Надежда» относится к жанру художественно-публицистического романа и это становится очевидным по ряду причин. Во-первых, его сюжетным ядром являются события, свидетелем которых выступает сам автор. Во-вторых, роман вышел в самый разгар войны, поэтому можно смело утверждать, что общественный интерес без конечно был сфокусирован на политическом и военном противостоянии правительства Народного фронта и мятежников во главе с генералом Франко. Антифашистская борьба, подъем революционного дух и усиливающееся ощущение единства и братства – ведущие темы произведения, которые были невероятно актуальными и общественно значимыми в этот исторический период. В-третьих, несмотря на то, что произведение написано от третьего лица, авторская позиция на то или иное событие или явление легко читается в репликах героев романа. *«Противоположность унижению, малыш, — это не равенство, а братство»²⁰*, – говорит старик Барка, который выступает носителем одной из важнейших идей Мальро, являющей стержневой во многих произведениях писателя – единство людей как одна из главных ценностей жизни, всепобеждающее «человеческое братство». В-четвертых, Мальро строит роман исходя из принципа документализма, он опирается на реальную хронологию событий, и у его вымышленных персонажей есть прототипы, реально существовавшие люди, за которыми автор с интересом наблюдал во время своего пребывания в Испании. Без сомнений, образы летчиков Маньена, Гарде, Скали были во многом списаны с пилотов его эскадрильи. За художественность повествования отвечают литературные приемы, которые

---

20 Мальро А. «Надежда», перевод с фр. Косс А.М. и Кушкин Е.П., Л.: 1990, стр.199

делают его выразительным и красочным, а описания картинным. Некоторые сцены, не являющиеся важными с точки зрения развития сюжета, тем не менее являются неотъемлемой частью произведения: они создают атмосферу, задают тон и рождают необходимое настроение у читателя. «Пылающая струя», «клекот пара», «жутковатое приглушенное шипенье огнемета», «голубоватые судорожные языки пламени», «гроздья обезумевших теней» – обилие авторских метафор в одном абзаце подтверждает, что перед нами не сухой документальный текст, а художественное произведение. Сравнения, часто используемые Мальро, также добавляют образности его тексту. Это языковое средство, основанное на сопоставлении двух объектов исходя из их общих признаков и свойств, поэтому сравнения помогают лучше понять природу и особенности явления/предмета и эмоции, вызываемые ими у автора: «отрывистые стоны, как лай», «поле зрения было ограничено трубкой прицела, как у лошади оно ограничено шорами», «отпечатки гусениц бороздят, как море — кильватерные струи», «карнавальное шествие, пестрое и суетливое, словно стая диких птиц», «грохот, четкий, как стук копыт, но ритмичный, как стук вальков или кузнечных молотов». Все перечисленные признаки позволяют нам отнести «Надежду» к художественно-публицистической прозе.

Мальро, как и большинство, интеллектуалов и общественников той эпохи, воспитанных в духе традиций прогрессивного европейского общества, считал фашизм чумой 20 века, которую необходимо искоренять всеми доступными методами. «Надежда» стала одним из средств его борьбы, неспроста он выпустил роман в 1937 году, когда с помощью печатного рассказа об испанских событиях еще можно было привлечь внимание передовой мировой общественности к революционно-освободительной борьбе, помочь народу Испании и остановить распространение опасной идеологии по всей Европе. Роман считался достаточно правдивым отражением действительности, но тем не менее почти все литературоведы признавали его не до конца объективным, а взгляд автора несомненно

предвзятым. Филолог Кушкин называет «Надежду» «безусловно, ангажированным»²¹ произведением. Но стоит заметить, что Мальро все же не историк, а публицист – он никогда не скрывал своих убеждений и, более того, не ставил своей задачей отразить точки зрения обеих воюющих сторон. Его роман – это своеобразный призыв сторонников к действию, а соответственно априори не может быть беспристрастным. Конечно, в нем отсутствует какие-либо прямые пропагандистские лозунги, но образованный читатель чувствует побудительный характер произведения.

Несмотря на острое желание помочь Республике, Мальро, так же, как и Оруэлл, прекрасно осознает всю степень неподготовленности республиканских войск – помимо отсутствия необходимого вооружения, бойцы неорганизованны, в высшей степени недисциплинированы, представляют собой разношерстные группировки с различными мотивами, целями и методами борьбы. Первую главу романа писатель назвал «Лирическая иллюзия» – именно так он охарактеризовал энтузиазм республиканцев, которые сражались в плену эйфории и революционного порыва, питаемые природной страстью к сопротивлению и воодушевленные слепой верой. Несмотря на пессимистичный взгляд Мальро относительно боеспособности республиканской армии, он все же описал поступательное движение от полнейшего хаоса в рядах ополчения до появления более-менее эффективных военных структур, от иллюзии и «апокалипсиса» («Апокалипсис в действии» - название второй главы первой части романа) к «Надежде» (заключительная часть романа), от бесконечной неразберихи до «какой-никакой победы», упоминаемой разведчиком Гарсиа.

Мальро старается показать всех людей, выступающих на стороне Республики, вне зависимости от его национальности, политических убеждений, статуса, образования или уровня социальной ответственности: в его понимании каждый заслуживает право голоса. На страницах романа свои

---

21 Мальро А. «Надежда», перевод с фр. Косс А.М. и Кушкин Е.П., Л: «Художественная литература», 1990, стр.14

мысли озвучивает молодой коммунист и лидер бойцов Мануэль и пролетарий-анархист Негус, бывший французский инженер и командир интернациональной эскадрильи Маньен (его прототипом вероятнее всего является сам Мальро) и испанский антрополог и разведчик Гарсия, итальянский искусствовед и летчик Скали и полковник гражданской гвардии Хименес, а также кадровый офицер армии Эрнандес, коммунист Рамос, писатель-католик Гернико, военный переводчик Альвеар и даже старый крестьянин-виноградарь Барка. Такое многоголосие необходимо автору, чтобы показать, как спланирует совершенно разных на первый взгляд людей общая беда и общая цель. Война, хоть и ненадолго, сделала всех равными, девиз французской республики «Свобода, равенство, братство» нашел свое отражение в устройстве испанского общества, сформированного из сторонников Республики. В многочисленных, пронизывающих весь роман диалогах Мальро не только хронологически заключил военные действия и подготовку к ним, но и раскрыл каждого персонажа исходя из его отношения к войне, противнику, воинскому братству, будущему страны, его понимания собственной роли в борьбе и мотивах, побудивших участвовать в ней. Практически все герои участвуют в политико-философских беседах, в которых становятся выразителями обобщенных мнений того класса, к которому они относятся. *«Те, кто могли бы — и как специалисты, и как люди — попытаться критически подойти к революционной политике, ничего не знают о революции как таковой. Те же, у кого есть революционный опыт, не обладают ни талантом Унамуно, ни даже — зачастую — умением выразить свои мысли...»*²², — заключает в разговоре со своим товарищем интеллигент Скали, утверждающий неготовность Испании к революции: по его мнению, в стране просто нет людей, способных доступно, убедительно и на примере собственного опыта объяснить народу, в чем смысл протеста, что к нему привело и зачем он нужен. Пролетарий Негус, примкнувший к анархистам, считает, что участие в войне таких людей как он, простых

---

²² Мальро А. Надежда. Л., 1990, стр.358

рабочих, связано с их желанием познать ту жизнь, о которой они мечтали – жизнь в обществе всеобщего равенства, где они будут действовать только в своих интересах, где с их мнением будут считаться и их влияние будет заметным. *«Даже если нас раздавят и здесь, и в Мадриде, у людей будет хотя бы чувство, что они сколько-то по жили, как сердце велит. >...< Несмотря на ненависть. Они свободны. А свободы они никогда не знали. Я не про политическую свободу, я о другом!»*²³ – отчаянно кричит Негус. Свобода выбора, свобода личности и возможность самоуправления – ценности, за которые боролись анархисты. Полной свободы они не получали бы и при республиканском правительстве, но почти тоталитарное государство Франко пугало их еще больше. Они наслаждались городами, в котором исчезли почти все классовые различия и не было места власти одного человека над другим. Даже Маньен, будучи представителем интеллигенции, образованным человеком, выросшим и воспитанным в свободном обществе, в конце произведения называет крестьян своими братьями, в них для него заключена вся Испанию, которую он чувствует в каждом госпитале, комитете и переговорном пункте.

Одна из самых пронзительных и показательных эпизодов всего романа – это спасение раненных в бою летчиков крестьянами маленького поселения Линарес. Эта сцена является квинтэссенцией идеи Мальро о всеохватывающем братстве – свое бесконечное восхищение самоотверженностью этих простых баскских работяг вкладывает в размышления Маньена. Они никогда не видели летчиков, не были знакомы с ними даже поверхностно, но, когда понадобилась их помощь, больше пятнадцати молодых людей вызвались стать носильщиками. Пожилые женщины, последовали за Маньеном в трудный четырехчасовой путь по горному серпантину, чтобы принести бойцам бульон из «последней курицы в деревне». В трогательной заботе женщин, в их стремлении обеспечить раненым должный уход и комфорт Маньен «узнавал извечное материнство».

---

²³ Мальро А. Надежда. Л., 1990, стр.191

Мальро проникся бесконечным уважением к людям, которые считали своим человеческим долгом помочь транспортировать летчиков. Для Он видел, что для них это было естественным велением сердца, продиктованным ни корыстью, ни страхом, а так редко встречающимся на войне чувством сострадания. *«В движении, которым они брались за носилки, были нежность и осторожность, и они пускались в путь, крикнув, как во время обычной работы, словно хотели поскорее скрыть чувство, которое выказали этим движением. Не сводя глаз с камней на тропе, думая лишь о том, как бы не встряхнуть носилки, они шагали в ногу, мерной поступью, замедлявшейся при каждом уклоне»*²⁴, - писал Мальро, отмечая трепетное и ответственное отношение крестьян к делу. Крестьяне Линареса стали воплощением человеческой стороны войны, символом неискоренимого человеческого единства. В «Надежде» Мальро, большинство произведений которого объединяет мрачный трагизм, слышны жизнеутверждающие мотивы. Писатель намеренно уходит от очевидной метафоры – шествие с тяжело ранеными, окровавленными бойцами и рыдающими женщинами в черных платках напоминает похоронную процессию, но для автора это «триумфальное шествие», которое дарит надежду. А вера в то, что человеческий фактор в победе иногда не менее важен, чем технический, подпитывает эту надежду. Жест республиканской солидарности в борьбе с фашизмом и готовности до конца сражаться за победу Интернационала – поднятый вверх кулак, знаменует победу человеческого духа. Финальной и максимально эмоциональной точкой сцены становится описание сотен крестьян, приветствующих защитников Республики и скидывающих кулаки, мысленно говоря «No pasaran» – «Они не пройдут» (прим. “они” – фашисты).

1.4. Советская публицистика. «Испанский дневник» Михаила Кольцова и «Испанские репортажи. 1931-1939» Ильи Эренбурга

---

²⁴ Мальро А. Надежда. Л., 1990, стр.436

Михаил Кольцов отправился на войну в Испании почти сразу после июльского путча – он тайно прибыл в Барселону 8 августа 1936 года на самолете, входящем в состав эскадрильи Андре Мальро. Один из самых видных и талантливых журналистов главной коммунистической газеты «Правда», с большим опытом зарубежных командировок, Кольцов был выбран для освещения событий этой войны для советских граждан. Его роль в событиях в войне до сих пор бурно обсуждается многими историками, но один факт остается неоспоримым – Кольцов был не просто рядовым военным корреспондентом, он был отправлен в Испанию, чтобы по сути стать «глазами» товарища Сталина, подготавливая отчеты о ходе войны для коммунистического правительства СССР.

«Испанским дневник» представляет собой сборник ежедневных репортажей, выстроенных в хронологическом порядке и фиксирующих события с 3 августа 1936 года по 5 июля 1937 года. Живые, яркие, наполненные описаниями атмосферы, царящей в городах – репортажи Кольцова остаются при этом информативными и на деле не слишком напоминают привычные дневниковые записи. В книге чаще гораздо встречаются зарисовки с собраний различных организаций, беседы с общественными деятелями и политиками той эпохи, рассуждения о политической перспективе республиканцев и фашистов, и все это на фоне картин жизни простых горожан и фронтовых военных операций.

Несмотря на безусловный авторитет Кольцова, даже ему было позволено писать далеко не все – «Испанский дневник» издавался по частям в журнале «Новый мир», в течение 1938 года, когда цензура в Советском Союзе была особенно жестокой к литературному, а тем более остро публицистическому творчеству писателей. Он мог рассказывать о том, что женщины «великой страны социализма» хотят выказать уважение и организовать материальную (продовольственную) поддержку трудящимися женщинам Испании, но о советских добровольцах, участвовавших в интербригадах, приходилось умалчивать. Официально и юридически СССР

не имел права помогать республиканским войскам, так как в 1936 году, Советский союз подписал соглашение о невмешательстве в дела Испании. Факт участия в войне советских солдат долго и тщательно скрывался, и все сторонние заявления опровергались. Справедливо заметить, что так поступали и другие европейские государства, в том числе воевавшие на стороне мятежников.

Уже в одном из первых материалов Кольцов упоминает в негативном ключе ПОУМ, отмечая что эта организация играет «провокационную и деморализующую роль». В это время в СССР (февраль 1936 года) возобновились дела против троцкистов, любые троцкистские организации были признаны нелегальными и запрещены. ПОУМ была признана именно такой организацией. Компартия делала все возможное, чтобы пресечь действия опасной, по ее мнению, партии, «натравливающей анархистов на коммунистических рабочих и выступающей с отвратительной демагогией по адресу Советского союза». Лидер барселонских анархистов Гарсиа Оливер показан заискивающим перед советским репортером дипломат, который нервно и настойчиво пытается убедить Кольцова в лояльности анархистов Народному фронту и необходимости сотрудничества коммунистов с ФАИ (прим. ФАИ – Федерация анархистов Испании). Но Кольцов большее внимание уделяет не политическим организациям, а отдельным персонам – он старается дать объективную оценку человеку исходя из его поведения, речи, манеры держаться и, конечно, поступков, не акцентируя при этом внимания на политических убеждениях. Составить мнение о ком-либо Кольцов может только после личного общения с ним. Один из самых известных людей в анархистском движении, Буэнавентурра Дуррути, сначала кажется Кольцову человеком с «недостатком воли», но по мере их разговора, журналист видит искреннюю заинтересованность в помощи Республики, его жажду получить информацию о международном положении дел и меняет свое отношение к командиру с нейтрального на уважительно-одобрительное.

Как представитель центральной большевистской газеты, Кольцов не может не упомянуть Коммунистическую партию Испании – для поддержания репутации коммунистов по всему миру он положительно отзывается об обновленном испанском политбюро партии: «... пролетарии, обстрелянные революционеры, популярные в рабочей массе, отличные пропагандисты и ораторы»²⁵. Важным аспектом его идеологической миссии было создание позитивного образа строителей социализма, которые по примеру Советской России выстроят идеальное государство, учитывающее интересы большей части населения Испании. Поэтому в его материалах рабочие из Толедо хотят, чтобы «все шло, как в России». Кольцов верит сам и убедительно доказывает читателям, что испанский пролетариат мечтает о государстве, воссозданном по образу СССР. И это действительно недалеко от правды – благодаря практически безупречно функционирующему пропагандистскому аппарату, испанские рабочие и крестьяне слышали только о всеобщем благе в стране советов. «Viva Rusia» («Живи Россия!») – слышится повсеместно на фабриках, на собраниях трудящихся и в селах. В каждой поездке в автономные области Испании Кольцов встречается с местным правительством и чаще всего с главами коммунистических партий регионов. Почти все региональные политики благодарят Советский Союз за помощь и всестороннюю поддержку, восторгаются решительными действиями СССР. Первый президент автономного сообщества Страна Басков, Хосе Антонио Агирре одобряет советскую ноту британскому комитету по невмешательству, которая предлагала разрешить Испании закупать оружие за границей и предупреждала о возможном пассивном участии СССР в конфликте, если другие участники соглашения (подразумевались Италия и Германия) не прекратят оказывать содействие франкистам. Кольцов писал, что Агирре

---

25 Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2 (7 ноября — 30 дек. 1936 г.). М., 1987.

высказался на этот счет так: «В этой ноте нас восхищают больше всего твердость тона и полнота голоса советской демократии. Только так и надо говорить с фашистскими нарушителями мира»²⁶.

Кольцов смел в своих высказываниях: характерная дерзость, острый ум, понимание политических реалий и, безусловно, направление в Испанию с разрешения самого Сталина дает ему возможность выносить оценочные суждения практически обо всем. Он критикует бездействие испанского правительства и лично премьер-министра Ларго Кабальеро, попустительство стран, провозгласивших нейтралитет. Журналист осуждает нежелание различных группировок, выступающих на стороне Республики, консолидироваться для оказания эффективного сопротивления мятежникам и фашистским захватчикам. Кольцов даже обвиняет республиканского генерала в пособничестве франкистам и ставит под сомнение его лояльность, утверждая, что Асенсио Торрадо (прим. Асенсио Торрадо – генерал, командующий республиканским Центральным фронтом) предложил оставить беззащитный Мадрид: «Несомненно, это подсказал Асенсио — формально республиканский генерал, фактически однокашник Франко, Варелы, Ягуэ, сходный с ними по воспитанию, стилю и вкусам»²⁷. В сравнении с другими журналистами Кольцов провел в Испании, и на фронте в частности, больше всего времени – это подтверждали и Эренбург, и Хемингуэй. Он действительно был знаком с военными порядками республиканцев и франкистов не понаслышке, но безапелляционность некоторых высказываний Кольцова настораживает и пробуждает критическое мышление: по словам журналиста, мятежники убивали республиканцев на месте, в то время как армия Народного фронта обращалась с пленными «гуманно». И если первое подтверждается абсолютно всеми историками и очевидцами, то второе обобщение абсолютно недоказуемо. Правительственная армия была слишком

---

26 Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2 (7 ноября — 30 дек. 1936 г.). М., 1987.

27 Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2 (7 ноября — 30 дек. 1936 г.). М., 1987.

разнородна, чтобы можно было однозначно говорить о проявлении гуманизма в отношении врага.

Несмотря ни на что Кольцов – признанный мастер слова – язык его произведений отличает меткость, ясность, широкий лексический запас, четкость изложения мысли, высокая степень эмоциональности, репортажи наполнены значительным количеством фактического материала. «Испанским дневником» зачитывались в СССР, в те годы это была одна из самых популярных книг, в бесконечных спорах и разговорах советских граждан мнение, выраженное в книге журналистом, воспроизводилось как непреложная истина. Во многом такому триумфу книга обязана своим отточенным стилем и многолетнему опыту корреспондента – Кольцов располагает полным арсеналом искусного репортера: пейзажные зарисовки, портретные зарисовки интересных личностей, яркие диалоги, подробные описания баталлий, личные переживания и размышления, проникнутые глубоким пафосом. Автор использует сравнительно небольшое количество метафор (по отношению к общему объему текстов), но чаще всего они небанальны и точны в том контексте, в котором преподносятся читателю. Например, он сравнивает происходящее в Испании с главнейшей испанской традицией – корридой: европейские страны, наблюдающие за гражданской войной со стороны – это амфитеатр полный перепуганных зрителей, фашисты – опытные тореадоры, а испанский народ – бедный бык, который медленно испускает дух от ударов бандериллий. Как матадор стремится поразить быка, так и фашисты хотят *«прикончить этот народ, убить все достойное, гордое, честное в нем»*²⁸. Излюбленный синтаксический прием Кольцова – параллелизм (сходное построение предложений текста). Он усиливает убедительность излагаемой мысли, что является крайне важным моментом для публицистического текста. *«Мерзнуть ради тепла. Голодать ради сытости людей. Сидеть годами в тюрьме ради свободы. Бороться,*

---

28 Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2 (7 ноября — 30 дек. 1936 г.). М., 1987.

уничтожать, умирать самому ради жизни, ради счастья. Человеческий род революционен»²⁹, – пишет Кольцов. Последнее предложение становится подтвержденным выводом из четырех предыдущих: если убрать хотя бы два из четырех аргументов, заключение не будет казаться столь неоспоримым.

Вторым и не менее именитым корреспондентом Испанской войны был советский писатель и публицист Илья Эренбург. Эренбург заинтересовался Испанией еще за пять лет до начала войны. Его, человека неумемного энтузиазма и нескончаемой энергии, сторонника идей социализма, пережившего революцию в своей родной стране, очень прельщала возможность своими глазами увидеть Испанскую революцию 1931 года и проследить за социальными и политическими изменениями в Испании переломного периода. Первая поездка оставила у писателя неизгладимое впечатление. И когда в июле 1936 года в Испании разгорелась гражданская война, Эренбург не смог остаться равнодушным зрителем. Вторую поездку по соглашению с Политбюро ЦК организовал заместитель главного редактора газеты «Известия» Яков Селих. Из-за бюрократической волокиты Эренбург попал в Испанию более чем через месяц после начала войны, но начал писать о ней значительно раньше – свои первые статьи он создавал, основываясь на корреспонденциях своих товарищей для парижских изданий (перед поездкой в Испанию Эренбург находился в Париже). Но в данной работе мы изучим только те материалы, которые были написаны благодаря личному присутствию корреспондента на месте событий. Первым сообщением Эренбурга стала краткая зарисовка «Барселона в августе 1936», в котором репортер отрывистыми предложениями мастерски рисует картину жизни каталонской столицы. Город живет мечтами о героических подвигах во имя Республики, люди туманно представляют реальные перспективы их жизни в ближайшие пару лет – на разбитых во время перестрелок улицах спокойно передвигаются дети и молодые девушки. Песни и смех говорят о

---

²⁹ Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2 (7 ноября — 30 дек. 1936 г.). М., 1987.

духоподъемных настроениях, царящих среди горожан. Позже Эренбург напишет, что игра в войну еще страшней самой войны. Мадрид, по словам Эренбурга, похож на один большой вокзал – жители бегут, спешат и прощаются с близкими. Среди мадридцев нет страха, большинство из них боится не умереть, а оказаться бесполезными в деле защиты своей страны. Каждый уголок загородной усадьбы, которую посетил писатель, описан в три-четыре очень коротких предложения, написанных как будто на бегу.

Отрывистые предложения, напоминающие мазки художника, уподобляют тексты разговорной речи – так автор стремится сохранить внимание читателей. Короткие, но емкие по смыслу предложения больше подходят для газетных материалов: они легче читаются и лучше отпечатываются в памяти. Также Эренбург часто прибегает к парцелляции («членению предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы») для того, чтобы реализовать свое стремление к динамичности репортажа: *«Молодые. Хотят жить, все равно как, лишь бы жить. Я не убегу. Я буду стрелять»*³⁰. В сравнении с Кольцовым, в начале Эренбург гораздо реже высказывается сам – в его репортажах 1936-1937 годов можно найти развернутые мнения участников боевых действий, но его личное скрыто в недрах текста. Уличить автора в ангажированности сложнее: Эренбург сознательно замалчивает и опускает некоторые спорные моменты, чтобы оставаться максимально в стороне от открытой пропаганды или откровенной лжи. Но без сомнений похожи Эренбург и Кольцов в своем преклонении перед простыми защитниками Республики: здесь и Эренбург не скупится на восторженные эпитеты, в патетическом тоне заявляя: *«Народ в полотняных туфлях, с охотничьим ружьем в руке, народ, почитавшийся отсталым,*

---

30 Эренбург И. Г. Испанские репортажи 1931-1939. М., 1986.

невежественным, нищим народом, гордо крикнул смерти: “Не пройдешь!”»³¹.

Большой интерес вызывает у Эренбурга жизнь крестьян, составляющих почти 80% населения страны. Ситуация с городским населением в столицах и крупных городах была более-менее прозрачной, а вот жизнь простых земледельцев редко освещалась в зарубежной прессе – корреспондент специально отправляется в испанские деревни, чтобы запечатлеть уклад их жизни и понять их отношение к гражданской войне. Он посещает традиционный район рыбацких и крестьянских поселений – Маресме, виноделов в Желиде, деревни Уэрто, Буньоль и Леданку, глухую деревеньку в Эстремадуре. Испанские крестьяне простодушны, бесхитростны и немного наивны, но все одинаково храбры. Мужчины, женщины, старики и дети – все хотят внести свой вклад в победу Республики, в которую они так верят: одни стремятся на фронт, чтобы отстаивать родные земли, даже если впервые держат винтовку в руках, другие готовы выйти на заводы и фабрики вместо рабочих, ушедших на фронт, третьи высылают продовольствие бойцам в города и стараются приютить у себя раненных и беженцев. Бескорыстие, сострадание к близким, инициативность, глубокий и истинный патриотизм – все эти качества и принципы, присущие испанскому народу, (здесь под словом «народ» понимается «масса трудящегося населения») стремится продемонстрировать Эренбург в своих материалах. В каждом слове об этих людях скользит нескрываемая гордость. В описаниях Эренбурга крестьяне всей душой болят за судьбу захваченных фашистами городов, республиканской армии и Республики в целом. *«Еще ни разу Эренбурга не охватывало такое искреннее и такое сердечное волнение при общении с простыми, неграмотными людьми, как в Испании, — потому что это были не хамы, а люди по-своему благородные, достойные, не жадные»*³², — писал литературовед и историк Фрезинский.

---

31 Эренбург И. Г. Испанские репортажи 1931-1939. М., 1986.

32 Фрезинский Б. Я. Писатели и советские вожди. М., 2008.

Корреспондент посвящает отдельную портретную зарисовку бывшему свинопасу Валентино Гонсалесу (репортаж «Кампесино – крестьянский командир»). Рассказывая о том, как пройдя через множество испытаний: службу на флоте, тюрьму, сражение в рядах арабов-повстанцев в Марокко, Валентино становится командиром республиканской бригады, Эренбург трогательно называет Кампесино братишкой. Журналист намеренно или подсознательно транслирует идею всеобщего братства – как ни странно, но именно на войне обычный крестьянин может стать единомышленником и союзником представителя интеллигенции.

В апреле 1937 года, после победы республиканцев при Гвадалахаре и сокрушительного разгрома итальянских фашистских войск, в Мадриде царила атмосфера чуть ли не национального праздника. Правительственная армия решила начать стремительное наступление на позиции мятежников, чтобы наконец завоевать свою Республику, которая навсегда изменит их беспросветную и горькую жизнь. Репортажи Эренбурга проникнуты оптимизмом и кажется, что вместе с приходом весны расцветает вера испанцев в наполненное светом и радостью будущее. Но Эренбурга так же, как и Кольцова, чрезвычайно возмущало, что Лондонский комитет по невмешательству продолжает игнорировать факт присутствия итальянского и немецкого военного контингента на территории Испании. Он язвительно и саркастично задает риторический вопрос: *«Кстати, почему не предложить скучающим членам лондонского комитета заняться высоконаучной работой — о размножении путем почкования «хейнкелей» и «фиатов»?»*³³.

Если в начале работы Эренбурга скорее относились к очерковым зарисовкам, то с первой половины 1938 года можно отметить тенденцию к персонализации текстов – в них появляются открытые суждения и оценки автора. Подтолкнувший Эренбурга на размышления международный конгресс писателей, прошедший в июле 1937 года, и очевидное военно-стратегическое фиаско Республиканского правительства подтолкнули

---

³³ Эренбург И. Г. Испанские репортажи 1931-1939. М., 1986.

писателя к несвойственным ему резким и жестким высказываниям. В июне 1938-го из Фигераса Эренбург пишет эмоциональную и обличительную статью «Правды!». Корреспондент раздосадовано констатирует тот факт, что европейские страны (Англия, Швеция, Норвегия) старательно избегают признания правдивой обстановки в Испании – города бомбит немецкая и итальянская авиация, гибнут тысячи невинных и беззащитных людей. Осознанная слепота европейцев, их оправдания, невозмутимость, безразличие и бездействие кажутся практически преступными и заслуживают яркого порицания со стороны всего прогрессивного общества. *«Правды требуют камни и капли крови. Правды требуют эти подернутые мутью голубые глаза убитого мальчика»*³⁴, – журналист пытается вызвать у читателя эмоциональный отклик и заострить внимание европейских политиков и дипломатов на трагедии испанского народа. Писатель наблюдал за падением Республики до самого конца, веря, что правда осталась за антифашистскими защитниками Испании. *«Горе победителям»*³⁵, – написал Эренбург.

---

34 Эренбург И. Г. Испанские репортажи 1931-1939. М., 1986.

35 Эренбург И. Г. Испанские репортажи 1931-1939. М., 1986.

Заключение

Через Гражданскую войну в Испании прошло огромное количество военных корреспондентов, преимущественно из европейских и североамериканских изданий. Все они преследовали одну общую цель – донести до читателей в своих странах информацию о вооруженном конфликте на Пиренейском полуострове. Но каждый из репортеров руководствовался своими политическими взглядами, нравственными установками, методами и принципами работы.

Труды об этой войне разнообразны как по идеологической направленности, так и по форме. Хемингуэй, Кольцов и Эренбург выбрали наиболее отвечающие задаче освещения военных действий жанры – репортаж, очерк и корреспонденция. Мальро и Оруэлл предпочли поделиться своими впечатлениями от увиденного в романах. Правда по результатам исследования, романы Мальро и Оруэлла имеют ряд отличий – если произведение Мальро по всем признакам тяготеет к художественно-публицистическому роману-хронике, то сочинение Оруэлла несомненно является «чистым» публицистическим жанром – романом nonfiction.

За время написания ВКР нам удалось достигнуть всех задач, заявленных ранее. Исходя из результатов проведенного исследования, мы установили, что общими чертами указанных произведений о войне являются:

- обобщенный позитивный образ испанского народа (все авторы указывают на чувство восхищения героизмом и самоотверженностью испанских крестьян и рабочих, посвящают часть материала описаниям их подвигов);

- использование лаконичных синтаксических конструкций для придания текстам динамичности и создания эффекта репортажа, написанного «по горячим следам» (с помощью парцелляции, параллелизма, ряда однородных членов);

- сохранение жизнеутверждающего пафоса до самого конца произведения: авторы, несмотря на неблагоприятный с их точки зрения исход войны, поддерживают в читателе веру в идеалы Республики и ощущение, что пройденные испытания так или иначе поспособствуют дальнейшему процветанию тех, кто защищал свою страну от фашистских захватчиков – уроки войны бесценны;

- тема всеобщего единства и братства – сквозная во всех рассматриваемых произведениях: нашедшая максимальное отражение в романе Мальро «Надежда», она трансформировалась или поднималась в том или ином виде в каждом сочинении;

- позиционирование испанской войны не как борьбу различных социально-политических групп внутри Испании, но как масштабное антифашистское сопротивление, попытку остановить распространение фашизма в Испании и за ее пределами.

Отличием или характерной особенностью произведений стала степень объективности предоставляемой информации. В этом контексте справедливо замечание Эренбурга, в котором он заявляет о невозможности рассмотрения подобных публицистических материалов как абсолютно истинны: *«Историку трудно положиться на его (прим. Кольцова) статьи (как и на мои статьи того времени) или даже на книгу “Испанский дневник”: она слишком окрашена временем»*³⁶. «Окрашенность временем» предполагает субъективность публицистики в целом и имеет отношение ко всем анализируемым текстам. Тем не менее, наиболее сбалансированным кажется фактически документальное произведение Дж.Оруэлла «Памяти Каталонии», а самыми предвзятыми материалы Эрнеста Хемингуэя и Михаила Кольцова: в первом случае, автор нарочито часто упоминал собственные заслуги при «фильтрации» информации («но я-то видел», «но я-то слышал»), во втором –

---

36 Эренбург И.Г. Люди. Годы. Жизнь: воспоминания в 3-х т. Книга IV. М.: 1990.

занимался неприкрытой пропагандой, идеализирую образ Советского союза и преувеличивая его роль в этой войне.

Отношение авторов к внутреннему испанском конфликту трактуется довольно однозначно: они рассматривали гражданскую войну как противодействие фашистской угрозе и желали создания на территории Испании справедливого государства, основанного на демократических принципах свободы и равенства. Оруэлл прямо заявлял, что ему *«хочется увидеть торжество социализма»*.

Участие писателей и журналистов в войне не ограничивалось освещением и анализом испанской борьбы: каждого из них отличает активная гражданская позиция. Оруэлл стал непосредственным участником военных действий, воюю в частях ПОУМ, Хемингуэй снимал фильм «Испанская земля», показ которого помог собрать большую сумму денег для последующей закупки санитарных машин и медикаментов для республиканцев. Мальро был летчиком и организатором интернациональной эскадрильи: он приобрел для Республики несколько самолетов, переправил их в Испанию, завербовал опытных пилотов. После выхода в свет «Надежды» Мальро занимался съемкой одноименного фильма, в основе сюжета которого был роман писателя. Эренбург составил из своих снимков фотоальбом об Испании и три месяца работал из агитгрузовика, организовав семь кинопоказов лучших советских военно-революционных фильмов и выпуск газет для жителей местных поселений. Кольцов активно участвовал в подготовке первого международного антифашистского конгресса писателей.

Вся энергичная деятельность рассматриваемых публицистов обеспечила им узнаваемость и авторитет среди широких масс, поэтому их материалы читались в первую очередь, оказывали существенное идеологическое воздействие на население Испании и других европейских стран.

Результаты данной ВКР могут быть использованы в дальнейшей разработке темы гражданской войны в Испании в отражении советских и

зарубежных публицистов. Собранный объем материала позволяет сделать данную работу основой для фундаментального исследования (например, магистерской диссертации) или внедрить его в факультативный курс лекций для студентов филологического или исторического факультетов.

Библиографический список

1. Амурский В. Андре Мальро. 1901-1976, писатель, который не любил своё детство. [Электронный ресурс]. URL: http://www1.rfi.fr/acturu/articles/117/article_4192.asp
2. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. М., 2005.
3. Бозрикова С. А. Роман нон-фикшн как жанр журналистики // VIII Международная научно-практическая конференция «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: науч. статья. Новосибирск, 2012.
4. Бозрикова С. А. Синтез публицистического и художественного в романе Non-fiction (на материале «Хладнокровного убийства» Т. Капоте) // Филология и культура, Philology and Culture. №4(30). 2012.
5. Горохов В. М. Закономерности публицистического творчества. М., 1975.
6. Жирохов М. А. Красные крылья Франции. Французские самолеты и летчики на фронтах гражданской войны в Испании, // Авиамастер. №7. 2005.
7. Карп М. Оруэлл в Испании // Иностранная литература. №12. 2012.
8. Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2 (7 ноября — 30 дек. 1936 г.). М., 1987.
9. Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 2. Испанский дневник. Кн. 2 (1 янв. — 10 апр. 1937 г.). Кн. 3. Корреспонденции. Репортажи. Очерки. — М., 1987.
10. Мальро А. Зеркало лимба. М., 1989.
11. Мальро А. Надежда. Л., 1990.
12. Мунье Э. Надежда отчаявшихся (Андре Мальро ослепленный завоеватель). М., 1995.

13. *Оруэлл Дж.* Памяти Каталонии. М., 2003.
14. *Прохоров Е. П.* Публицист и действительность. М., 1973.
15. *Роговин В. З.* 1937, Троцкий об испанской революции. Барселонский мятеж. М., 2008.
16. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976.
17. [Солано В.](#) Против Франко, против Сталина: Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) в испанской революции и гражданской войне (1936—1939). М., 2013.
18. *Соловьев В. И. Рябинина Н. З.* Редакторская подготовка периодических изданий. Учебное пособие. М., 1993.
19. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати. М., 2000.
20. *Томас Х.* Гражданская война в Испании. 1931-1939. М., 2003
21. *Туманов Д. В.* Творим золотым пером: Мастер-класс для начинающих журналистов. Казань, 2000.
22. *Фрезинский Б. Я.* Писатели и советские вожди. М., 2008.
23. *Хэмингуэй Э.М.* Избранные произведения в 2-х томах. Под ред. И.Кашкина// Американцам, павшим за Испанию. М., 1959
24. *Хемингуэй Э. Э.*Хемингуэй. Репортажи. – М.: МГУ, 1969.
25. *Чертанов М.* Хемингуэй. М., 2010.
26. *Шарифова С. Ш.* Взаимодействие романа с публицистическими жанрами // Новый филологический вестник. 2011. № 4.
27. *Шарифова С. Ш.* Типы документально-художественного романа // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. №23. 2011.
28. *Шталь А. В.* Малые войны 1920-1930-х годов. СПб., 2003.
29. *Эренбург И. Г.* Испанские репортажи 1931-1939. М., 1986.

30. Эренбург И.Г. Люди. Годы. Жизнь: воспоминания в 3-х т. Книга IV. М.: 1990.
31. *Olivier Todd*. André Malraux: Une Vie. - Gallimard, 2002
32. *Orwell G.* Homage to Catalonia. — L.: Martin Secker and Warburg, 1938
33. *Sturrock J.* The man from nowhere. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lrb.co.uk/v23/n15/john-sturrock/the-man-from-nowhere>
34. URL: <http://www.vatnikstan.ru/history/ispanskie-sovetyi>
35. URL: <http://hemingway-lib.ru/voennie-reportazhi/index.html>